

В.Д. Стариченок

Структуры с отношениями включения и контрадикторности

Взаимоотношения между ЛСВ в структуре полисемантов могут основываться не только на эпидигматичности и семантической иерархичности. Во многих случаях между ЛСВ наблюдаются отношения включения и контрадикторности, связанные с расширением и сужением смыслового объема ЛСВ, их гиперонимической корреляцией и энантиосемией. Процесс переноса наименований при этом практически отсутствует, так как смысловые контуры лексических единиц кардинально не меняются, и почти все ЛСВ характеризуются одинаковой парадигматической и синтагматической обусловленностью. Происходит своеобразное дробление смысловой структуры на отдельные ингредиенты, их детализация, конкретизация, на что значительное влияние оказывают широкие возможности реалемного, коннотативного и стратификационного варьирования полисеманта. Семантический диапазон таких структур зависит от временного фактора, способствующего сосуществованию в рамках единого синхронного среза старых, потасканных и новых, только что рожденных явлений, а также от речевой ситуации, характер которой влияет на степень актуализации тех или иных сем лексического значения.

Структуры с гипонимическими (гипо-гиперонимическими, родовыми, категориально-спецификационными, эксклюзивно-инклюзивными) [Никитин 1971, с. 43; Никитин 1983, с. 29] соотношением ЛСВ в большинстве случаев рассматриваются при анализе дефиниций словарных статей, используются как средство организации материала при построении тезаурусов и информационно-поисковых систем, приводятся в качестве иллюстраций определенного типа системных отношений в лексике (синонимических, антонимических, терминологических) и почти не рассматриваются в рамках семантической структуры слова. Гипонимические отношения между ЛСВ часто называют внутренней гипонимией (в противоположность внешней гипонимии, которая проявляется между различными лексическими единицами). Они представляют из себя одну из типологических разновидностей полисемии, основывающейся на включении, подчинении род – вид, общее – частное, низшее – высшее. Один из ингредиентов гипонимических структур имеет более обобщенное (родовое, инклюзивное, гиперонимическое), второй (или вторые) – более узкое (специализированное, видовое, эксклюзивное, гипонимическое) значение. Модель смысловых отношений между гипонимическими ЛСВ можно представить в виде кругов, включенных один в другой (включенной дистрибуции), или в виде формул с обозначениями R – смысл (содержание) родового ЛСВ (гиперонима), V – дополнительный смысл видового ЛСВ

(гипонима), $\supset$ – знак включения [Кондаков 1975, с. 438-439; Дяченко 1976, с. 8-10]. См. рисунок 1.7.1.

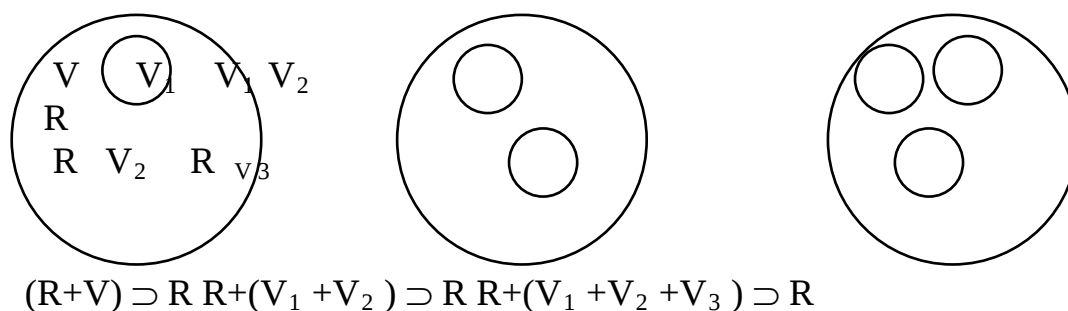

Рисунок 1.7.1 – Модель смысловых отношений между гипонимическими ЛСВ

Между этими формулами и моделями нет существенных качественных различий. В большей степени они отличаются количественно, что обусловлено шириной диапазона денотативной соотнесенности ЛСВ, а также их принадлежностью к тем или иным тематическим группам. Качественные же различия касаются не самой модели, которая практически не трансформируется, а отношений, возникающих между отдельными гипонимами.

Одним из проявлений полиденотативности является фиксация в дефинициях словарных статей при гиперонимическом ЛСВ объяснений и уточнений типа «общее название одежды», «одежда вообще», «общее название грибов», «помещения вообще», «общее название супов», «общее название зерновых культур», «все то, что напоминает ...», «предмет в виде» и др. Значительно реже такие уточнения используются при гипонимическом ЛСВ («вид зерновых культур», «один из видов еды», «специальный вид образования»). Соотношения гипонимического и гиперонимического ЛСВ в таких случаях являются ярко выраженными, материализованными.

Смысловые преобразования по гипонимической формуле проявляются, как правило, в пределах одной и той же тематической группы, что является почти обязательным условием при таком типе отношений. Чаще всего гипонимические отношения наблюдаются в наименованиях человека, где семантическое преобразование осуществляется по персонифицированной модели. Ср.: *чалавек* ‘человек; муж; мужчина; личность как выражение высоких моральных и интеллектуальных черт, духовных качеств; слуга в трактире’; *дзядзька* ‘взрослый мужчина вообще; брат отца или матери; муж тётки’; *цётка* ‘взрослая женщина вообще; сестра отца или матери’; *дзед* ‘старый человек; отец отца или матери; муж’; *баба* ‘женщина вообще; простая необразованная женщина; жена; любопытный, болтливый или с нерешительным характером мужчина’ (См. подробнее «Персонифицированные номинации»).

Об энантиосемии как способности слова иметь противоположные антонимические значения впервые в языкознании было заявлено еще в 1883 г. в работе В. Шерцля, где автор пытался выявить ее сущность и причины возникновения [Шерцль 1883]. Однако до нашего времени это явление является малоисследованным. Не совсем определенным остается и вопрос о соотношении энантиосемии и смежных лексических явлений – полисемии, омонимии, антонимии. Одни исследователи считают энантиосемию частным случаем омонимии, другие – разновидностью антонимии, третьи – сложным явлением, имеющим одновременно признаки полисемии, омонимии и антонимии [Бацевич 1984; Бессонова 1982; Виноградов 1960; Климова 1975; Кравцова 2006; Махмутова 2009; Меликян 2003; Новиков 1982; Прохорова 1961; Смирнова 1976; Соколов 1980]. По нашему мнению, энантиосемия, выявляя тесную связь между семантическими категориями полисемии и антонимии, является частным случаем многозначности. Поляризация энантиосемических ЛСВ не нарушает тождества и единства слова, потому что каждый из ЛСВ характеризуется как дифференциальными, так и общими семантическими приметами, что является основой для их одновременного сосуществования и противопоставления. Проявление энантиосемических отношений в рамках единого синхронного среза и тесная смысловая связь между отдельными ингредиентами позволяет квалифицировать такие структуры как полисемантические, а не омонимические (в данном случае мы придерживаемся наиболее распространенного в лингвистической литературе критерия, согласно которому слова, имеющие общие семантические компоненты, не могут являться омонимами [Старычонак 1991, с. 3-6]).

Энантиосемия чаще всего наблюдается у производных глаголов, значение противоположности в которые вносится широкой и обобщенной семантикой префиксов. Так, префикс *за-* способствует образованию глагольных противоположностей типа «начало действия (процесса)» – «его конечный результат» (*заараць, закінець, засеяць, зацерушыць, зашнураваць*), «начало действия (процесса)» – «завершение действия, проявление его в довольно большой степени (почти до максимума)» (*запець, зайграць, заездзіць, загузаць, затрэсці, заляпаць, запырскаць, задыміць, засмылець*).

Энантиосемия у существительных развивается в направлении «положительное качество» – «отрицательное качество»: *бясцэннасць* ‘то, что характеризуется высокой ценностью – то, что потеряло свою стоимость, стало малоценным’, *дабро* ‘добрые дела, поступки – что-нибудь ненужное, негодное’, *ліхасць* ‘смелость, храбрость – бедствие, несчастье, злое происшествие, *гонар* ‘уважение, почет, слава – высокомерие, надменность’.

У существительных со значением лица энантиосемические ЛСВ противопоставляются по коннотативной оппозиции: хороший – плохой. Коннотативная противоположность ЛСВ в таких случаях находится в соответствии с логико-предметной полярированностью, характером эмоционально-оценочных различий базисного и исходного ЛСВ. Большинство полисемантов с такой энантиосемией определяется контекстом и применяется для противопоставления внутренних качеств человека, его

внешнего вида, мировоззрения, возраста и др. Например: *ваяка* 'воин, боец, солдат – тот, кто не оправдывает звания воина, бойца', *галава* 'человек большого ума – недогадливый, непонятливый человек', *багач* 'кто обладает большим богатством – небогатый, бедный человек', *зубр* 'крупный специалист, влиятельная личность в какой-либо области деятельности – тот, кто упорно держится своих отсталых взглядов', *галубчык* 'ласковое обращение к мальчику, мужчине – обращение с оттенком угрозы, злорадства', *малодчык* 'молодой человек, мальчик – человек аморального поведения, заслуживающий осуждения', *дабрадзея* 'тот, кто делает добро, оказывает услугу кому-нибудь – злодей, злоумышленник'.

Таким образом, полисемантические структуры с отношениями включения и контрадикторности, отражая основные закономерности развития лексической системы языка, являются результатом обобщающей и классифицирующей работы человеческого мышления, выражением диалектического единства между дифференциальными и интегральными аспектами одного и того же явления. Гипонимические и энантиосемические отношения между ЛСВ, универсальные по характеру своего проявления, по-разному проявляются в различных лексико-тематических разрядах слов. Гипонимия чаще всего наблюдается в группах, ориентированных на референтное (предметно-бытовое) отражение действительности.

Формальными показателями гипонимии является широкий, максимально обобщенный смысловой объем ЛСВ, который в ряде случаев получает выражение в дефинициях словарных статей в виде различного рода конкретизаций, уточнений, ограничений. Энантиосемию в общей системе лексических оппозиций необходимо рассматривать как разновидность полисемии, что сочетает в себе элементы антонимии и омонимии. Характер и направленность энантиосемических ЛСВ во многом зависят от культурно-исторических условий развития слова, его морфологических признаков, особенностей семантики префиксов и суффиксов, наличия или отсутствия коннотативной окрашенности и многих экстралингвистических причин. В сфере номинаций лица энантиосемия характеризуется насыщенной образностью, эмоциональностью, экспрессивностью и используется для противопоставления внутренних качеств человека, его умственных способностей, профессиональных навыков и др.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ